

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию **Барашкова Виктора Владимировича** на тему: **«Религии и искусство на перекрёстке культур Западной Европы рубежа XX – XXI веков»**, представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки)

Актуальность и новизна темы исследования. Отрадно, что в российской науке наконец появилось цельное исследование, посвященное взаимоотношению христианства и современного искусства, осуществленное на примере ситуации в Западной Европе. Процесс культурного взаимодействия в этой сфере идет уже не одно десятилетие, но в российском научном сообществе до сих пор серьезного освещения не получал. Актуальность работы многогранна, выделим лишь некоторые важнейшие аспекты.

В современности мы наблюдаем, как традиционные границы между религиозным институтом и художественной галереей становятся проницаемыми. Религия перестает быть герметичной системой и ищет новые способы коммуникации с обществом через визуальный язык искусства, а современное искусство, в свою очередь, воздействует на религию. Диссертация позволяет концептуализировать этот процесс, выходя за рамки простого описания и обращаясь к глубоким философским основаниям встречи человека с трансцендентным. Хотя автор и фокусируется прежде всего на христианстве, широкая рамка исследования позволяет рассмотреть и феномены безрелигиозной религии, квазирелигиозности, духовности и т.п.

Теоретическая актуальность работы связана с дефицитом комплексных исследований, объединяющих методологию философии религии, искусствоведения и теологии красоты. Диссертант предлагает

междисциплинарный подход, который позволяет увидеть в архитектурных и художественных формах застывшую экклезиологию и антропологию.

Важно, что исследование не замыкается лишь на вопросах культурологии религии, но интегрируется в более масштабные дискуссии о месте религии в современном мире. Диссертант намеренно использует теоретическую рамку секуляризации для проведения работы и аргументированно отстаивает валидность этой концепции в противоположность новым и модным представлениям о постсекулярном и десекуляризации. Фактически весь текст диссертации можно рассматривать как хороший аргумент в пользу продолжающейся и усложняющейся секуляризации.

Актуальность работы определяется и необходимостью критического осмысления западноевропейского опыта. Западная Европа рубежа XX–XXI веков стала уникальной мировой лабораторией, где отрабатывались модели интеграции авангардного искусства в литургическое пространство. Для отечественного религиоведения и философии культуры крайне важно проанализировать кейсы взаимодействия религии и искусства не как «чужой» экзотический опыт, а как возможные векторы развития мирового религиозного искусства, что отчасти уже находит отражение в российском контексте. Отрадно, что автор не замыкается на европейском опыте, но постоянно проводит параллели с современной российской ситуацией, показывая перспективы приложения своих наработок.

Любопытным является и непрестанное желание диссертанта выйти за границы простой дескрипции и анализа изучаемого явления. В тексте немало личностно окрашенных характеристик, впечатлений автора, интересных обобщений, наблюдений и нестандартных рассуждений, синтезирующих теологическую, религиоведческую и искусствоведческую перспективы. Нельзя не отметить и некоторый искусствоведчески-миссионерский пафос текста. Фактически диссертант ставит вопрос о том, может ли современное искусство, часто обвиняемое в деструктивности, выступать инструментом не только проповеди, но быть полноценной частью литургической жизни современного христианства,

в то же время играя важную роль в самых возвышенных проявлениях опыта безрелигиозного человека.

Обоснованность выводов. В диссертации вводится ряд интересных концептуальных находок (например, авторская классификация пространств экспонирования современного искусства религиозной проблематики и т.п.) и предлагается несколько важных теоретических нововведений (самое значимое, пожалуй, понятие «религиозной проблематики»). Исследование базируется на обширном эмпирическом материале, отчасти собранном автором в ходе самостоятельных экспедиций. Без сомнения, диссертация станет событием в сфере отечественной культурологии религии.

Подтверждение опубликования основных результатов исследования в научной печати. Основные результаты исследования опубликованы в научных изданиях, входящих в международные базы данных и системы цитирования, и рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ. По теме диссертации автором сделано множество докладов на научных конференциях различного уровня.

Соответствие содержания автореферата основным положениям диссертации. Представленный автореферат диссертации В.В. Барашкова полностью и адекватно отражает основное содержание, логику и структуру диссертационного исследования, дает верное представление о выполненной работе и позволяет в полной мере оценить вклад автора в решение крупной научной проблемы.

Структура и содержание работы. Рецензируемая диссертация обладает четкой, логически выверенной структурой, которая полностью адекватна поставленным научным задачам. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и обширного библиографического списка.

В первой главе диссертант выстраивает фундамент работы. Сначала дается обширный и детальнейший экскурс в развитие понятий, характеризующих взаимодействие религии и современного искусства, затем проблематика

встраивается в контекст дебатов о секуляризации, рассматриваются модели и стратегии взаимоотношения религии и современного искусства, обосновывается оригинальная концепция диссертанта. В качестве подготовительного этапа к анализу эмпирического материала рассматриваются основные теологические традиции построения богословия художественного творчества.

Вторая глава посвящена пространственному контексту взаимоотношения христианства и современного искусства от храмовых пространств до галерей и частных собраний. В ходе работы анализируются архитектурные решения современных европейских церквей, где минимализм и работа с пространством призваны воссоздать опыт сакрального в секулярном контексте. Рассматриваются конкретные примеры интеграции современного искусства (витражи, скульптура, живопись) непосредственно в литургическое пространство действующих храмов. Исследуется институциональная поддержка современного искусства церковными структурами через формирование специализированных музейных фондов и коллекций. Материал обилует интересными и оригинальными наблюдениями, примерами и концептуальными обобщениями.

В третьей главе диссертант обращается к специфике передачи религиозной проблематики в современном искусстве. Анализируются переосмысления иконографического канона, где традиционные сюжеты (например, Распятие или Пьета) подаются с использованием нового визуального языка, что демонстрирует способность канона к актуализации. Рассматривается сложный вопрос о возможности выражения сакрального через беспредметное искусство. Автор исследует работы европейских абстракционистов, находя в них параллели с апофатическим богословием. Проводится анализ медиа-арта, инсталляций, перформансов и цифрового искусства, которые используются для трансляции религиозных идей в XXI веке.

Нельзя не отметить четкую последовательность изложения, скрупулёзность в работе с методологией и терминологией, богатый иллюстративный материал и прекрасное ориентирование диссертанта в исследуемой проблематике.

Замечания и дискуссионные вопросы.

- 1) Представляется, что с культурологической стороны работа написана грамотно, со знанием материала, пониманием процессов развития культуры и искусства в современности. Автор мастерски владеет инструментарием изучения художественной культуры, ее тезаурусом, методологией анализа арт-объектов. Как ни странно, вопросы вызывает религиоведческая сторона исследования. Третье, четвертое и пятое выносимые на защиту положения вращаются вокруг идеи диалога церкви с миром современного искусства как формы ответа на ситуацию секуляризации. Диссертант указывает, что диалог осуществляется церковью посредством выделения специальных храмов, создания специальных коллекций, участия в выставках, привлечения художников к фрагментарному оформлению пространств исторических или новых храмов. Это утверждение справедливо, но лишь отчасти. В выстраивании исследовательской стратегии автор пошел специфическим путем, фокусируясь лишь на тех проектах католической и протестантских церквей, которые официально (в первую очередь – с медийным освещением) были созданы как площадки для диалога, но если обратиться к повседневной жизни католической церкви, то картина выглядит несколько иначе. В течение XX века в католические храмы, причем имеющие наибольшее религиозное значение, активно интегрируются элементы современного искусства, нередко как центральные (алтари, стадии крестного пути, заалтарные распятия и т.п.), наблюдается это в первую очередь в крупнейших центрах католических паломничеств: Basilique Saint-Pie X в Лурде, Chiesa di Santa Maria delle Rose в Ассизи, Bruder-Konrad-Kirche и Neue Anbetungskapelle в Альтэттинге, скульптурные стадии крестного пути в Капелле Явления Воскресшего Господа Своей Матери в храме Гроба Господня и т.п. Все эти примеры свидетельствуют не столько о диалоге, сколько о последовательном внедрении в повседневную жизнь верующих католической церкви (вне

зависимости от их отношения к современному искусству) языка современного искусства. Диалог предполагает равноправие и наличие общей почвы, здесь скорее идет перенимание актуальных и модных форм выражения в язык церковного искусства, что вполне можно рассматривать в рамках теории секуляризации. Пожалуй, можно даже говорить о том, что всем верующим (а указанные места собирают верующих со всего мира) язык современного искусства подается как наиболее точный и актуально выражающий представление о сакральном, им лишь остается принять это обстоятельство как факт. Таким образом, выносимые на защиту положения с третьего по пятое кажутся односторонне раскрывающими ситуацию взаимоотношения современного искусства и христианства.

- 2) Позиция автора по вопросу десекуляризации удачно выражена и аргументирована, но, к сожалению, в тексте представлена непоследовательно. Не раз автор идет против своих же собственных утверждений и обращается к идеям «пост-» и «десекуляризации» для характеристики тех или иных явлений. Например, описывая устройство комнаты тишины в Лондонской Высшей школе экономики, автор, безоговорочно следуя Д. Вальтерсу, характеризует ее как симптом поворота к постсекулярному, указывая, что руководство школы «не обходит стороной религиозные вопросы и способствует межрелигиозному диалогу при одновременном принятии, но не подчёркивании конкретных идентичностей» (С. 186). Проблема не только в непоследовательности, позволяющей сначала критиковать теорию постсекулярного, а потом использовать ее как инструментальную концепцию, но и в том, что сам разбираемый диссертантом пример очевидно говорит не о постсекуляризации, как это представлено в диссертации, а о типичной секуляризации. Из логики описания пространства в ЛШЭ идея равноправного диалога вовсе не следует. Здесь очевидно, что светское общество сверху спускает свое представление о религиозном пространстве, которое, на его взгляд, должно устраивать как верующих

всех исповеданий, так и неверующих, и требует, чтобы с этим были все безоговорочно согласны. Более того, в дизайнах всех рассматриваемых в диссертации комнат тишины проявляется некое абстрактное представление о священном, характерное лишь для общества неолиберального капитализма и прогрессирующей урбанизации. А это – типичная секулярная ситуация, лишенная всех смыслов, вкладываемых в приставки «пост-» и «де-».

- 3) Неудачным представляется и использование понятий «мистика», «мистический религиозный тип», «мистический опыт», «сакральное». Ни одному из них не дано четкого определения, их употребление не имеет строго религиоведческого основания и скорее связано с описанием внутренних переживаний самого диссертанта (см. например, «“мистический” эффект витражей М. Шагала» (с. 202-203)), с характеристиками, даваемыми произведениям их создателями, с общеупотребимыми в рассуждениях о религии и искусстве дефинициями. Есть неточные отождествления: например, мистицизма с эзотеризмом (с. 310). Иными словами, от диссертации по религиоведению хотелось бы более четкого определения значимых религиоведческих понятий.
- 4) В некоторых случаях диссертанту недостает знания реалий современной религиозной жизни в Европе. Так, описывая появление экуменических храмов, он характеризует их как пространство, где «две общины используют одно и то же помещение для богослужений, но в разное время» (С. 181). Справедливо связывая эту ситуацию с историей совместных церквей (Simultaneum), возникших в Новое время, автор игнорирует жизнь современных православных приходов, которые вовсе не по экуменическим соображениям вынуждены арендовать для богослужений протестантские и католические храмы, иногда только временно (на момент проведения богослужения), заменяя в них основные элементы литургического пространства (иконы, антиминс и т.п.) на православные.

Здесь есть общее помещение и проводимые в нем богослужения разных церквей, но нет никакого экуменизма.

- 5) Удачно, что в диссертации автор не замыкается лишь на западной Европе, но постоянно приводит аналогии с ситуацией в современной России, в некоторых случаях они особенно информативны и показательны. Однако в первой главе, где рассматриваются теоретические основания взаимоотношения с современным искусством, очевидна лакуна в изложении православного богословского осмысления вопроса, хотя на стр. 158 указывается, что такое рассмотрение было осуществлено. Видимо, подразумевается изложение позиции русских философов по вопросу творчества. Но такое изложение, во-первых, неполно (концепция П. Флоренского даже не упомянута), во-вторых, не отражает актуальную ситуацию православной теологии. Хотя для темы диссертации отсутствие православных концепций не критично, но нелишним было бы включить в рассмотрение и православное развитие теозстетики, в частности в трудах Д.Б. Харта и О. Давыдова.
- 6) В случае России есть и еще некоторые упущения. Так, характеризуя ситуацию в целом, автор замечает, «что обозначенные выше тенденции не получили в нашей стране заметного развития» (С. 193), т.е. в России интеграция современного искусства в жизнь православия идет не в таком масштабе, как на Западе. Диссертант прав. В то же время он приводит достаточно показательных примеров диалога современного искусства и православия, но их количество можно было бы расширить с привлечением более интересных случаев. Например, Собор Феодоровской иконы Божией Матери Санкт-Петербурга является типичным (в плане ситуации в западной Европе) примером такого диалога. Нижний храм – прекрасный образчик археологического модернизма, что воплощается во всей стилистике от иконостаса, мозаик и материалов до облачения священства.
- 7) Временами языку диссертации недостает самостоятельности и аналитичности, нередко автор слишком увлеченно следует за самими

художниками и галеристами в описании тех смыслов, которые произведения должны сообщать зрителю, порой это выглядит курьезно. Так, описывая берлинский «Еврейский музей», диссертант пишет: «высокая башня с массивными стенами, не пропускающими звуки, расположенная в одной из осей “Еврейского музея” в Берлине, порождает у посетителя ощущение замкнутости, вызывает чувства страха и депрессии» (С. 167-168). Несколько позднее, рассматривая другой объект современной архитектуры, часовню под открытым небом, автор пишет: «если человека, подходящего к часовне (не выдающей своей сакральный статус и напоминающей скорее башню), переполняют впечатления от великолепной природы, то оказываясь внутри, он попадает в очень узкое, холодное, порой сырое пространство, зовущее скорее к сосредоточению, медитации, чем к богатству внешних чувств» (С. 171-172). Т.е. в «Еврейском музее» башня вызывает чувство депрессии, тогда как на природе ее замкнутость, напротив, помогает медитации. Очевидно, что и в первом и во втором случаях налицо копирование стилистики понимания артефакта его создателями.

Приведенные критические замечания не умаляют научного значения диссертации и масштаба вклада ее автора в современное отечественное религиоведение и служат скорее стимулами к дальнейшей творческой работе.

Заключение. Диссертационное исследование **Виктора Владимировича Барашкова** «Религии и искусство на перекрёстке культур Западной Европы рубежа XX – XXI веков» является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной проблемы, имеющей важное значение для **философии религии и религиоведения**. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора философских наук, согласно п. 2.1 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом

РУДН (протокол № УС-1 от 22.01.2024 г.), а ее автор, **Барашков Виктор Владимирович**, заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по научной специальности **5.7.9. Философия религии и религиоведение**.

Официальный оппонент:

д.филос.н. (09.00.14 «Философия религии и религиоведение»),
профессор школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Носачев П.Г.

Контактные данные:

e-mail: pnosachev@hse.ru

Адрес места работы:

105066, г. Москва, Старая Басманная, 21/4.

«Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук,
Школа философии и культурологии

Дата: «20» января 2026 г.

Подпись: _____ / Носачев Павел Георгиевич /

